

Жизнь и деятельность Александра Македонского — объект постоянных исследований антиковедов. Каждый год выходят работы (разного характера и разного достоинства), посвященные македонскому царю. Одной из характерных черт современного западного антиковедения стало то, что в этом огромном потоке литературы все большее место занимают исследования, в которых жизнь и деятельность прославленного завоевателя рассматриваются не сквозь призму предвзятых идей и концепций, зачастую идеализирующих его, делающих его апостолом братства народов (В. Тарн) или носителем идеи распространения греческой культуры (У. Вилькен). Все большее место занимают работы, в которых деяния Александра становятся объектом строго научного анализа, при полном учете исторической обстановки, намерений и сил его противников.

Один из трудов такого плана представляет и книга Дж. Р. Гамильтона, автора вышедшего несколько ранее комментированного издания биографии Александра Плутарха¹. «Реалистичность» общей картины, нарисованной им, сходство основных мыслей, концепций и выводов с тем, что в той или иной степени представлено в ряде новых работ, в том числе уже рецензировавшихся в нашей литературе², извлекает нас от необходимости производить подробный разбор всей книги Дж. Р. Гамильтона. Но вместе с тем в его книге имеется ряд положений и тезисов, которые, как кажется, заслуживают определенного внимания, иногда потому, что они своеобразны, расходятся с тем, что писалось ранее, и должны быть учтены при дальнейших исследованиях, иногда же в силу того, что взгляды автора вызывают определенные сомнения или возражения.

Прежде всего Дж. Р. Гамильтон занимает среднюю позицию среди двух крайностей, которые наблюдаются сейчас при описании самой натуры Александра и побудительных мотивов его деятельности. Для некоторых историков среди таких побудительных мотивов первое место занимает «пotos» — непреодолимая страсть к познанию неизвест-

¹ J. R. Hamilton, Plutarch, Alexander: a Commentary, Oxf., 1969.

² См., например, рец. на кн.: P. Briant, Alexandre le Grand, Paris, 1974.— ВДИ, 1977, № 1, стр. 237 слл.

ного, бессознательные порывы, одним словом, иррациональные начала души. Для других исследователей Александр — это прежде всего холодный и хитрый политик, определяющий каждый свой шаг чуть ли не математически выверенным расчетом, учитывающий все обстоятельства и все возможные последствия. Дж. Р. Гамильтон полагает, что ближе к истине, бесспорно, второй подход, вместе с тем указывая, что, с его точки зрения, в эту картину должна быть внесена одна довольно существенная поправка. Александр был македонянином и как таковой обладал рядом типичных для македонянина черт, порожденных обычным македонским воспитанием и окружением. Подобный подход представляется перспективным, но, к сожалению, автор не исследует сколько-нибудь глубоко характер быта и систему ценностей македонской знати, ограничиваясь только постоянными указаниями на приступы безудержного гнева, которые иногда охватывали царя, и на «тяжелое пьянство», столь характерное для знати Македонии. Отметим, кстати, что проблема — сколько, с кем и когда пил Александр — очень занимает Дж. Р. Гамильтона, хотя, впрочем, не только его. Например, свою полемику с В. Тарном М. Уилер также сосредотачивает почему-то главным образом на этом пункте ³.

В связи с подобной трактовкой облика Александра находится и объяснение Дж. Р. Гамильтоном причин поджога персепольского дворца. Для него единственная причина — «тяжелое пьянство» царя и его окружения. Но вряд ли столь упрощенное объяснение верно, гораздо ближе к истине те, кто исходит из рациональных причин. Так, согласно одной точки зрения, поджог явился результатом «филэллинского» жеста Александра, стремившегося показать грекам (в момент спартанского выступления) свою верность идее «похода возмездия» ⁴, согласно второй, поджог был необходим царю для того, чтобы продемонстрировать народам, покоренным персами, конец эры господства Ахеменидов (ибо Персеполь был «ритуальным» центром империи, где ежегодно совершались церемонии, символизировавшие верность подданных персидскому царю) ⁵. Мы не беремся судить, какой из этих взглядов верен, хотя не исключена возможность, что Александр, решаясь поджечь персепольский дворец, мог учитывать оба соображения.

Дж. Р. Гамильтон справедливо, как кажется, указывает, что в вопросе об убийстве Филиппа остается еще много неясного. Справедливо также и его соображение о том, что среди македонской знати была достаточно сильная группировка, которая не хотела, чтобы наследником Филиппа стал Александр. Однако вряд ли верно мнение, что неприятие Александра со стороны этих кругов знати объясняется только тем, что Александр был сыном «варварки» Олимпиады. Эта вражда имела, несомненно, иные, более материальные основы. Видимо, данный вопрос нуждается в более углубленном изучении с точки зрения борьбы отдельных группировок среди правящих слоев Македонии. Подобный подход уже продемонстрировал свою плодотворность ⁶, и было бы интересно спроецировать те группировки, которые выявлены при анализе заговора Филоты, в прошлое, в момент, когда решался вопрос, быть или не быть Александру македонским царем.

Отметим в связи с этим, что Дж. Р. Гамильтон правильно подчеркивает одно важное обстоятельство: в начале похода многие ключевые позиции в руководстве армией принадлежали сыновьям и другим родственникам Пармениона (стр. 45). Естественно, это наблюдение требует изучения борьбы среди македонской верхушки в ходе самого похода и с точки зрения стремления Александра полностью овладеть рычагами руководства армией, отстранив «людей Пармениона». Но и этот вопрос не исследован автором до конца, а только намечен. Конечно, изучение борьбы внутри македонской знати

³ M. Wheeler, *Flames over Persepolis*, L., 1968.

⁴ E. Vadian, *Agis III*, «Hermes», 95, 1967, стр. 170—192.

⁵ E. N. Borza, *Fire from Heaven: Alexander at Persepolis*, «Classical Philology», 67, 1972, стр. 233 слл.

⁶ К. К. Зельин, К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. (Заговор Филоты), «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 255 слл.

только под углом зрения усиления «ориентальных» черт в политике Александра или конфликта между старыми и молодыми македонянами (стр. 103) недостаточно.

С этим вопросом связан и еще один — более общий: о характере государственности Македонии. Справедливо указывая, что Македония в своем развитии отставала от Греции на несколько столетий, Дж. Р. Гамильтон подчеркивает, что македонская монархия не очень отличалась от гомеровской. Это мнение, в общем достаточно новое, однако несправедливо. Новые исследования показывают, что гомеровские басилеи вряд ли имели что-нибудь общее, кроме названия, с македонскими царями⁷. Одно из основных отличий — в масштабах. Власть гомеровских басилеев распространялась на очень ограниченную территорию, власть же царя Македонии — на огромную (по античным масштабам). Видимо, это как раз тот случай, когда количество переходит в качество. Существовали и иные отличия, но и этого в данном случае достаточно. Дж. Р. Гамильтон показывает, что в сущности Македония была «щитом» Греции, защищавшим ее от «северных варваров». Но он делает из этого вывод, совершенно не обязательно вытекающий: чтобы выжить в таких условиях, Македония нуждалась в сильной власти.

Говоря о македонской знати, автор, видимо, затрудняясь более точно определить ее взаимоотношения с местными правителями типа Линкестидов, вынужден прибегать к аналогиям и сравнивает их с «северными баронами» при Тюдорах. Но подобные сопоставления ничего не объясняют. Отметим, кстати, что Дж. Р. Гамильтон неоднократно обращается к этому понятию, чтобы пояснить роль персидской знати в Малой Азии или местной знати в Бактрии и Согдиане. Мы далеки от того, чтобы на основании этих немногих фактов упрекать автора в поддержке концепции феодализма в Македонии и на Востоке в ту эпоху. Дж. Р. Гамильтон вообще не определяет социальной природы тех обществ, в которых разворачиваются описываемые им события, а его сравнения ничего не дают для понимания его позиции.

Говоря о подготовке восточного похода, автор, как нам представляется, правильно решает вопрос о соотношении пропаганды Исократы и истинных целей Филиппа. Филипп, несомненно, приветствовал деятельность Исократы, которая отвечала объективно его военным планам, но цели царя имели весьма мало общего с идеями и намерениями греческого оратора, который думал о Греции и прежде всего об Афинах. Однако общая картина была все-таки сложнее, чем ее рисует Дж. Р. Гамильтон, — она не сводилась к этим двум лицам. Идеи о необходимости объединения греков, в той или иной форме для завоевания Востока, помимо Исократы (а ранее Горгия и Лисия) высказывали многие выдающиеся представители греческой общественно-политической мысли⁸, и, очевидно, существовало достаточно широкое общественное движение, которое в какой-то степени смогли использовать македонские цари.

Дж. Р. Гамильтон прав, когда он утверждает, что причина относительной прочности Коринфского союза кроется не только в военной мощи Македонии, но и в том, что мелкие полисы Эллады видели в Коринфском договоре гарантию своей автономии, защиту против гегемонистских устремлений своих более могущественных соседей, таких, как Афины или Фивы. В дополнение к аргументам автора можно привести и некоторые другие, им не учтенные⁹.

Следует согласиться и с его соображениями относительно роли контингентов, предоставленных греческими полисами для участия в походе в Азию: во-первых, для придания предприятию характера всеэллинского «похода возмездия»; во-вторых, солдаты эти были своего рода заложниками, гарантами спокойствия в Греции. Верна также мысль о том, что в ходе похода постепенно падало значение греческих контингентов,

⁷ Ю. В. Андреев, Раннегреческий полис. (Гомеровский период), Л., 1976, стр. 46 слл.

⁸ Из более новой литературы см. Г. А. Кошелев, Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э., ВДИ, 1972, № 1, стр. 59 слл.

⁹ М. А. Кондратьев, Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30—20-х гг. IV в. до н. э., ВДИ, 1977, № 2, стр. 25 слл.

но возрастало значение наемников. Однако в этой связи остается не совсем ясно, почему Александр распустил вскоре после начала войны союзный флот, оставив только 20 афинских кораблей. Дж. Р. Гамильтон объясняет этот шаг Александра не финансовыми соображениями, а боязнью восстания во флоте. Но в таком случае мысли об армии и флоте остаются несогласованными. Видимо, более верно все-таки традиционное объяснение. Вопрос о том, включались ли греческие полисы Малой Азии в Коринфский союз, решается автором безоговорочно положительно. Но далеко не все исследователи разделяют это мнение, а сложность проблемы, противоречивость в интерпретации источников и обилие литературы требуют во всяком случае, чтобы этот вопрос привлек большее внимание¹⁰. Представляется маловероятным, что роспуск войск Коринфского союза произошел в Экбатанах и тем самым официально было объявлено об окончании «войны возмездия». Недавно были высказаны весьма весомые соображения в пользу того, что это событие произошло позднее — уже после смерти Дария II.

Нам представляется, что Дж. Р. Гамильтон неправ в своей трактовке дела Каллисфена. Это дело, по всей видимости, надо рассматривать в общем контексте греко-македонских взаимоотношений. Для автора (как и для ряда других историков) внутренняя борьба в армии завоевателей практически ограничивается македонской верхушкой, что не соответствует действительности. Важнейшими свидетельствами о назревавшем в армии конфликте между македонянами и греками, служат волнения 325 г. до н. э. и восстание 323 г. до н. э. греков-поселенцев в Бактрии и Согдиане. Дело Каллисфена — один из этапов на пути к этому взрыву. Позиция Каллисфена в связи с проскинесисом — не только его личный протест, но и выражение настроений по крайней мере части греков — участников похода¹².

Некоторые соображения могут быть высказаны и относительно трактовки ряда военных вопросов. Вряд ли с самого начала похода Александр думал о завоевании всего царства Ахеменидов, как это полагает автор. Его единственный аргумент — сообщение Диодора (XVII, 17, 2—3) о церемонии при высадке на азиатском побережье — явно недостаточен; здесь нужны более весомые доказательства. Не совсем удовлетворяет и предложенное Дж. Р. Гамильтоном объяснение отказа малоазиатских сатрапов следовать плану Мемнона перед битвой при Гранике. Как известно, Мемнон предлагал отступить в глубь Малой Азии, оставляя завоевателям «выжженную землю». Отказ сатрапов автор объясняет их подозрениями по отношению к Мемнону и тем, что они были задеты его словами о низких воинских качествах персидской армии по сравнению с македонской. Но П. Бриан в одной из своих недавних работ выдвинул иное объяснение, исходя из тех идеологических концепций, которые были широко распространены в Азии того времени: разорение территории представляло в глазах правительства и вообще «общественного мнения» знак мятежа, прямого выступления против «великого царя»¹³.

Как и многие другие историки, Дж. Р. Гамильтон преувеличивает значение смерти Мемнона в неуспехе персидских военных действий в Эгейском море. Между тем уже

¹⁰ Литература о городах Малой Азии при Александре насчитывает не один десяток имен, поэтому ограничимся ссылкой на кн.: J. Seibert, *Alexander der Grosse*, Darmstadt, 1972, стр. 86 слл., где перечислена значительная часть работ по этой проблеме. Из более новой литературы ср.: E.adian, *Alexander the Great and the Greeks of Asia*, «Ancient Society and Institutions. Studies presented to Victor Ehrenberg on his 75th Birthday», N. Y., 1967, стр. 37 слл.; F. Schachermayer, *Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*, Wien, 1973, стр. 177; A. J. Heisserer, *Alexander's Letter to the Chians: A Redating of SIG³ 283*, «Historia» B. XXII, 1973, H. 2, стр. 194. P. Goukowsky в кн.: E. Will, C. Mossé, P. Goukowsky, *Le monde grec et l'Orient*, t. II. Le IVe siècle et l'époque hellénistique, P., 1975, стр. 258; E. Will, там же, стр. 453.

¹¹ A. B. Bosworth, *Errors in Arrian*, «The Classical Quarterly», vol. XXVI, 1976, № 1, стр. 117 слл.

¹² Кошелевко, Восстание греков в Бактрии и Согдиане...

¹³ P. Brian, «Brigandage», *dissidence et conquête en Asie Achéménide et hellénistique*, «Dialogues d'histoire ancienne», vol. 2, P., 1976, стр. 188 слл.

те факты, которые приводит сам автор, опровергают его взгляды. И после смерти Мемнона персы смогли некоторое время успешно действовать на островах. Только после Исса наблюдается резкое снижение активности персидских сил.

Подобно многим исследователям, Дж. Р. Гамильтон преуменьшает масштабы сопротивления Александру Македонскому. Поход (хотя и не в такой степени, как у некоторых ранее писавших исследователей) выглядит сложным триумфальным шествием. Однако в некоторых недавних работах восстанавливается более объективная картина борьбы в Азии. В частности, П. Бриан на основе скрупулезного анализа источников восстановил одну из интересных страниц персидского сопротивления — контрнаступление в Малой Азии в момент осады Тира Александром¹⁴. Подобная картина событий более отвечает исторической реальности.

Заканчивая эту короткую рецензию, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что наши замечания ни в коей мере не означают негативной оценки монографии Дж. Р. Гамильтона. Его основные выводы представляются убедительными, они находятся в русле того нового направления в изучении эпохи Александра, которое покончило с идеализацией македонского царя. Однако, возможно, было бесполезно указать на некоторые сомнения и возражения, которые вызвала эта в целом интересная книга.

Л. П. Маринович

¹⁴ P. Briant, *Antigone le Borgne*, P., 1973, стр. 53—74.